

Секунды начали свой бег, пошла пленка. Ее искусственно состарили, она мигала, потрескивала, создавала эффект судорожного ритма немого кино. В виньетке появилась надпись «Пять актрис на одной сцене». На черно-белом экране они, вдохновенно дурача, любовно пародировали стилистику Великого немого. Заламывали руки, томно опускались в кресла, медлительно фиксировали позы и жесты... А в это время за кадром звучали их голоса...

«Однажды я узнала (пауза), что такое слава. Лет 10—15 назад села на «Голубом огоньке» песню, которую предложил Оскар Фельцман. В съемочном павильоне — Магомаев, Синявская, Ротару... (Вдохновенно) Я сижу за столиком между двух космонавтов... А на следующий день забежала в магазин «Рыба» на Арбате. (Буднично) Помните, с продуктами тогда было плохо. Ну и здесь — шаром покати (весело, с нажимом): абсолютно пустые прилавки, скупающие продавцы. Я просто так, по привычке — шарк по отделу, чтобы только понюхать, чем там пахнет... И вдруг лениво, пальчиком, подымают. Робко подходят: «Вчера пела в «Огоньке» про луну?» — (тоном пай-девочки) «Пела...» — «Треска нужна?»

«Утром и днем репетиции. Вечером спектакль. Маленький Владик с нянечкой — в заднем ряду. Я ему грозно (голосом Бармалея): «Владик, сиди тихо, если ты...» Выхожу на сцену в «Пышке». (Беспечно) Бордель, мужики, я в исподнем... Только открыла рот — как из зала по-детски требовательно: «Ма-ма...»

Голоса за кадром противоречат изысканной ретро-стилистуке изображения. Вступают с ней в конфликт... и соединяют сцену и кулисы, актрис и зрителя, сидящего у телевизора. В какой-то момент пленка начинает имитировать любительскую, домашнюю. «Капустник», который играется только для близких. Где можно, ничего не боясь, вдруг забавно повиснуть на колышках, поджав ноги, а потом проковылять на корточках прямо на камеру. И вот так, шутя и ерничая, — о романе с театром? О веселом, жестоком ремесле, в которое вбухана вся жизнь?

«Почему режиссеры не занимают нас в одном спектакле? Ну, наверное, не видит нас вместе. А вы, черт возьми, посмотрите... Пять таких разных, красивых, талантливых (смеется, закрывая лицо руками) актрис».

Они — все пятеро, вместе — перед выходом на сцену «Дома актера». Камера фиксирует взвинченную суету кулис и приходящий сюда шум — горячее, нетерпеливое дыхание зала. Он полон ожиданий. Шуток, свободной импровизации, и шампанского блеска бенефиса... И — первый шаг

ПЯТЬ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПОИСКАХ ПИРАНДЕЛЛО

из глубины на ярко освещенный круг к зрителю.

«Однажды мы с Сережей Маковецким вели «Золотую маску». И это был полный провал — такое впечатление, что твоим лицам (темпераментно), как тряпкой, четыре часа водили по полу. Спины уходящих из зала, и ничего нельзя сделать — ужас, отчаяние... Всякий зритель труден, но здесь, перед нами (с гордостью), — цвет русского театра... И кто-то тебя презирает, а тебе (с вызовом) наплевать на них. Завтра они сами могут оказаться в похожем положении. Так плохо, что, кажется, эпохе не пережить. Но (убежденно) есть актерское братство. И потом к тебе подойдут Инна Чурикова, Алла Багтер и Эммануил Виторган, Лия Ахеджакова...»

Но вот мастерски, непринужденно отыграна первая сцена бенефиса, и он стремительно, весело катится вперед. Искрометный, музыкальный, отчаянно смешной театральный «капустник». (Постоянно поют, причем все пятеро. Явно могут сыграть все что угодно. Способны практически одновременно изображать шекспировскую леди Анну, подмосковную крестьянку — редкого уroda с бородой и кормило корабля. С легкостью исполняют канкан, создают физкультурные «пирамиды» и квалификации Аполлона. Плавно переходят с русского на английский, с

Умение спокойно и профессионально делать дело в хаосе, накрывшем страну, вновь стало формой внутренней эмиграции

Режиссер
Виталий Павлов
снял телефильм
о бенефисе пяти
актрис Театра
им. Евг. Вахтангова:
Марии Ароновой,
Марине Есипенко,
Юлии Рутберг,
Елене Сотниковой,
Ольге Чаповской

французского на малороссийский. Короче, творят бог-весь что на сцене!)

И тут из глубины ее медленно движется Мария Аронова. Руки согнуты в локтях и повернуты ладонями к зрителю. Может быть, сама того не сознавая, этим жестом софийской Оранты она обращается к нам с «требованием веры и просьбой о любви». Читает: «Девушка пела в церковном хоре...» В зале, который они уже много раз застали смеяться, напряженно тихо. Слышат?.. Не слышат?.. Нам дано увидеть то, что обычно скрыто от глаз. Лица четверых, оставшихся за кулисами... Они боятся... за нее, ждут аплодисментов... для нее, одиноко стоящей на пустой сцене. «...О том, что никто не придет назад», — заканчивает Маша, так и застыв с поднятыми руками и катящейся крупным планом по щеке слезой. Тихий зал через секунду взрывается аплодисментами. Услышали!

А потом актрисы, опять все вместе, назовут нам поименно учителей из дома по Вахтангову, 12-а, многих из которых уже нет... И деликатно выдержат паузу, дав каждому возможность вспомнить о своем... Древние, праздничные, ветхие одежды театра... Перефразируя Шекспира — «рвущийся товар»... Еще живы люди, помнящие Грибову и Яншина на сцене. А тем вре-

менем их имена из нашей памяти быстро переходят на страницы театральных энциклопедий. Но вот Марина Есипенко точно и нежно цитирует Гелену Ю. Борисовую из «Варшавской мелодии»: «Незус-Мария, какие туфельки!» А из зала, чуть наклонясь вперед и притушив блеск прекрасных глаз, смотрит на нее Юлия Борисова... Что чувствует она в эту минуту? Кто знает... Они — актрисы, им многое подвластно.

Елена Сотникова скользит за кулисами в своем роскошном, матовом, как у змеи, платье... Вспыхивает надпись «выход»... Сейчас она появится в роли неотразимой, опасной, брошенной королевы Эллиор. И поведет в спектакле «Лев зимой» свою тему власти — приближица для потерявших любовь.

Ольга Чаповская... Девочка в «Трех возрастах Казановы». Адельма в «Турандот». Люська из «Бега»... Лучающаяся юмором, таящая в себе теплый южнорусский говорок, несущая сквозь аромат парижского парфюма — запах далеких цветущих вишен...

«А у меня была семейная идиллия. Когда жива была мама — царствие ей небесное — все в доме как-то стояло на ногах. Ты — Масик, тебя успокаивает. Уже давно сама жена, мама. Все равно Масик. А когда мама умерла, я стала те-

тей Машей. Праздники, и у каждого свое место за столом, своя любимая тарелка, как это было у нас в семье. И я понимаю, что теперь мне хранить эти песни, тепло, чувство дома...»

«Мне стыдно признаться, но несколько раз во сне я получала «Оскар». Причем самое удивительное, что я вышла и как бы благодарю за державу, говорю на английском. И потом, когда открыла глаза, все-все помню. Просто, наверное, в нашей профессии должно быть что-то такое, к чему очень хочется идти».

И сразу, без паузы, Юлия Рутберг читает со сцены отрывок воспоминаний Сергея Юрского о Фаине Раневской:

«Сложен человек. Всякий сложен. Но если у большинства из нас внутри сложный клубок нитей, то Раневская была соткана из канатов. Великолепно красива и крупна ее сложность. И от этого все противоречия ее личности воспринимались как гармоническая цельность. Редки такие люди. Жалостливая любовь ко всем, и громадный искренний патриотизм. Во всем. Наше лучше. Русский театр. Русский стиль жизни. Русский образ мысли... И еще. Непреходящая гордость от того, что она советская актриса и советская гражданка по собственному выбору. Поступок совсем ранней юности. Вся семья после революции уезжала

в эмиграцию, она единственная из всех осталась. С народом. С страной. С революцией. С русским театром. Так говорила Раневская не с трибуны, не в интервью, а один на один в своей комнате среди других прочих разговоров».

Читает страстно. Как манифест о тайной свободе. О праве на выбор. Часто горький и единственно возможный. Оплаченный судьбой. Нет, не о наградах, не об «Оскарах...» О всенародной любви к великой актрисе, о легендах, передаваемых из уст в уста. О зачитанном томике Пушкина, принадлежавшем Раневской и хранящемся сейчас в музее Театра Моссовета. С короткой надписью ее рукой: «Люблю».

Люблю... маленький, бедный театр, набитый детворой. Идет кукольный спектакль. Играют волшебную сказку. По ходу действия появляется дракон. Он не страшный, смешной. Но им все-таки боязно. Кто его знает?.. А мамы рядом нет... И вдруг этот дракон — неожиданно и чудесно — выдыхает настоящее пламя. Мгновенное, испуганное, восторженное «ах...» пронесется по залу...

Роман с театром... Фильм Виталия Павлова для пяти персонажей... Камерный, в скромной аранжировке домашнего телевизора. Без привычных отрывков из спектаклей, оценок, обязательных интервью. С «необязательным» «капустником», джазовой композицией, где комично сталкиваются высокий и низкий музыкальные регистры. Изящный, изобретательный, ироничный. Но за иронией угадывается теплота авторской интонации, стихия живой игры с ее неожиданными поворотами и мгновенными импровизациями. То, чему имя Театр и что склонно бесследно исчезать, попадая в кадр. Все здесь согласно правилам жанра, которые придумываются прямо сейчас. И все — о любви. Долгой и непростой. Но шутя... как о роде счастливого помешательства, от которого не желаешь излечиться. Потому что если ты безнадежно здоров, зачем тебе волшебный дракон, выдыхающий пламя?

Пленка снова побежала, мигая и потрескивая... Поклоны, цветы, пустующий зал, уставшие лица актрис... Все быстрее, все стремительнее бег стареющей на наших глазах пленки... Что ж, это ведь уже в прошлом. А им еще играть и играть...